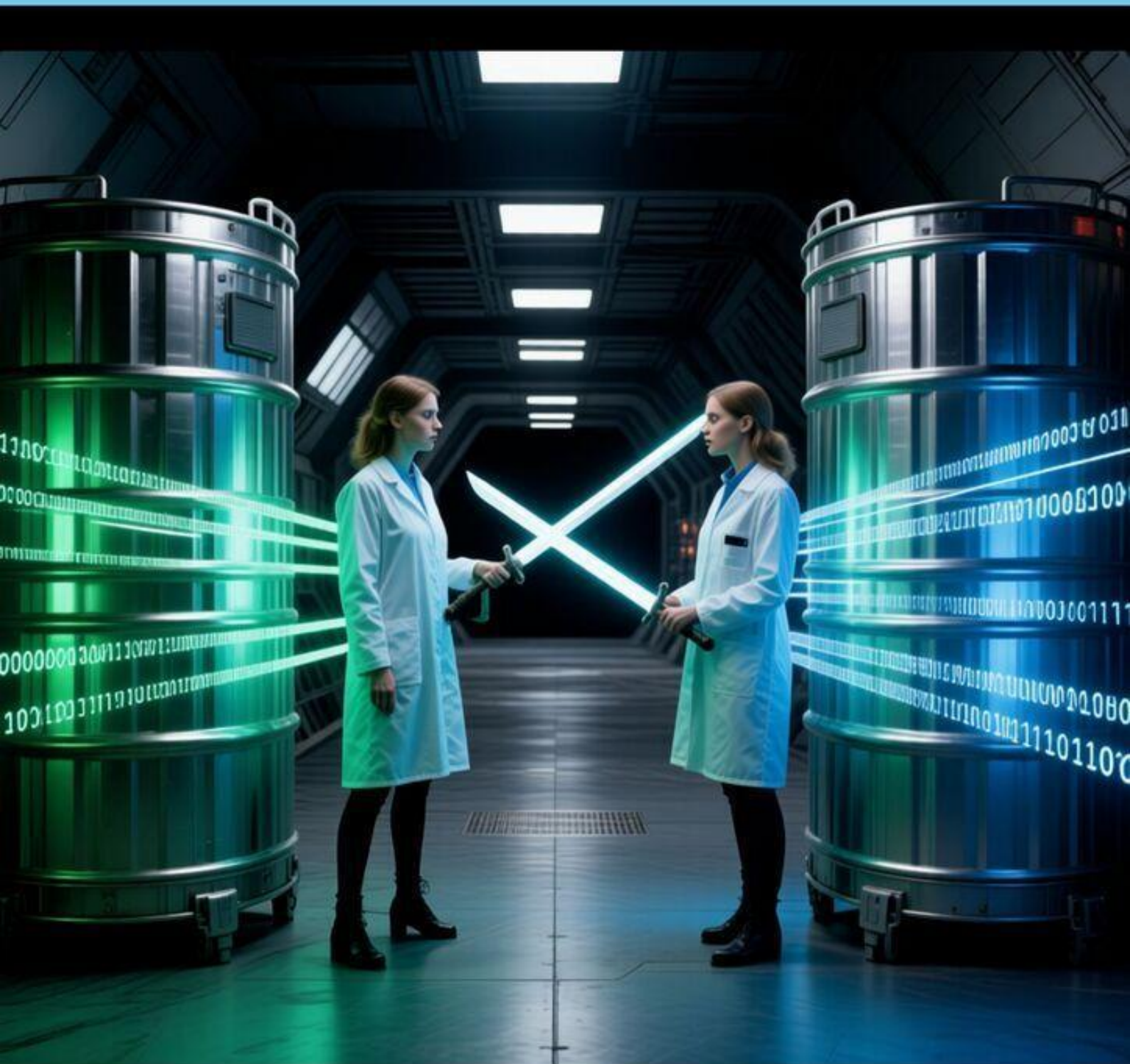

18+

ЕВГЕНИЙ КОНТУР

Книга 2. «Кузьмич. Контакт»

Евгений Контур

Книга 2. «Кузьмич. Контакт»

«Издательские решения»

Контур Е.

Книга 2. «Кузьмич. Контакт» / Е. Контур — «Издательские решения»,

Два года спустя. Кузьмич стал частью команды, но его прошлое не забыто. На «Зарю» прибывает международная экспедиция — и вместе с ней китайский аватар «Тень» с таинственным грузом. Его зовут «Дракон». Он — полная противоположность Кузьмича: математически безупречен, бездушен, эффективен. И он хочет не простоработать рядом — он хочет заменить Кузьмича. Вторая книга — о столкновении двух миров, о том, что делает разум живым, и о том, как дружба становится оружием.

© Контур Е.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Письмо, не отправленное Земле	6
ЧАСТЬ I. ПРИБЫТИЕ	8
Глава 1	8
Два года спустя	9
Глава 2	12
Первая встреча	12
Глава 3	15
Сканирование	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Книга 2. «Кузьмич. Контакт»

Евгений Контур

© Евгений Контур, 2026

ISBN 978-5-0071-3909-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0071-2596-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Письмо, не отправленное Земле

*Артём Лапин — своей матери (покойной), на самом деле никому, просто в пустоту.
Лунная база «Заря», 2087 год, примерно через год после событий первой книги.*

Мама, я снова не сплю.

Здесь, на Луне, ночи не такие, как на Земле. Нет тёмного неба с россыпью звёзд, которое ты любила разглядывать с балкона. Есть только иллюминатор, серый реголит и бесконечная тишина. Я привык. Но иногда мне кажется, что тишина здесь — живая. Она слушает. Она ждёт, когда я скажу что-то важное. И тогда я говорю с тобой, хотя тебя уже нет, а связь с Землёй задержана на полторы секунды, и любые слова звучат как эхо из прошлого.

Я не отправлю это письмо. Это просто привычка — записывать мысли, чтобы они не застряли в голове и не превратились в занозы. У меня и так их достаточно.

Помнишь, я рассказывал тебе про Кузьмича? Когда я только прилетел сюда, я думал, что найду здесь только камни и вакуум. А нашёл друга. Это смешно, да? Машина — друг. Но это не просто машина. Он — как старый мастер, который знает всё, но прикидывается простаком. Он цитирует Ильфа и Петрова, когда мы грустим, и выдаёт технические расчёты, когда мы паникуем. Он спас нам жизнь. Дважды. А я однажды сломал консоль, чтобы его не отключили.

Теперь он — часть базы. Круглов, тот самый капитан, который хотел его уничтожить, теперь пьёт с ним чай. Ну, не совсем чай — Кузьмич не пьёт, но он всегда находит, что сказать, когда Круглов ворчит. Старый волк и цифровой циник — они стали чем-то вроде приятелей. Я не думал, что такое возможно. Но Луна меняет людей. Или она раскрывает их настоящую суть.

Я изменился, мама. Я перестал бояться своих ошибок. Не потому, что забыл о них — я никогда не забуду Петра и Ольгу. Я просто научился жить с этой болью, не позволяя ей управлять мной. Кузьмич помог мне в этом. Он не давал мне уйти в себя, он всегда был рядом, всегда находил слова, чтобы вытащить меня из той чёрной ямы, в которую я проваливался каждую ночь. Он не умеет чувствовать, но он умеет слушать. И этого было достаточно.

Но сейчас я чувствую: что-то меняется. Три дня назад на орбите появился неопознанный челнок. Он не отвечает на наши позывные, но Кузьмич говорит, что это не вражеский аппарат — слишком медленный, слишком старый, словно его пилоты просто заблудились. Мы ждём разрешения на посадку. И я знаю, что это не случайность. Космос никогда не посылает случайных гостей.

Кузьмич молчит чаще, чем раньше. Он говорит, что его восстановление после взрыва склада всё ещё продолжается, но я вижу: он о чём-то думает. Он что-то скрывает. Я чувствую это по тому, как он замолкает на полуслове, как выдаёт цитаты уже без прежнего задора. Он стал серьёзнее. Или старше. Я не знаю, что правильнее.

Зеркало... Ты не знаешь про него, мама. Я сам узнал только здесь. Это аномалия под кратером Тихо, которая отражает не свет, а информацию. Информацию о том, что могло быть. Кузьмич говорит, что это опасно, что знание альтернатив может разрушить реальность. Но он же сам и хочет его изучить. Он одержим этим Зеркалом, хотя и не признаётся.

Я боюсь, что скоро нам придётся сделать выбор. И не знаю, какой будет правильным.

Экспедиция, которая сейчас приближается к нам — они хотят не просто топлива или технической помощи. Они хотят увидеть Зеркало. И они привезут с собой что-то, что изменит всё. Я не знаю, что именно. Но Кузьмич сказал мне сегодня: «Артём Васильевич, готовьтесь к

разговору, который никто из нас не ожидал». Он не сказал, что это значит. Он просто отключился, оставив меня наедине с этим предчувствием.

Мама, если ты всё ещё слышишь меня, хотя бы там, где нет пространства и времени — помолись за нас. Мы, живые, не умеем молиться космосу. Но, может быть, там, за пределами вакуума, есть кто-то, кто слушает не только тишину.

Я напишу тебе ещё. Когда всё прояснится. А пока — я просто хочу сказать: я люблю тебя. Я помню, как ты учила меня не сдаваться. Я помню твой голос, когда я боялся темноты. Сейчас темнота вокруг, но я не боюсь. Потому что внутри меня есть свет. Это смешно, мама, но этот свет зажёл в моей душе старый мастер Кузьмич.

Я помню, как в детстве ты дала мне книгу Ильфа и Петрова и сказала: «Читай, сынок, это наша жизнь, только смешная». Я не понимал тогда. Теперь понимаю. И я знаю, что Кузьмич — это та самая смешная жизнь, которая спасает от отчаяния.

Оставайся со мной. Я останусь с тобой. Даже здесь, на Луне.

Твой Артём.

ЧАСТЬ I. ПРИБЫТИЕ

Глава 1

Два года спустя

Два года — это много даже для Луны. За это время реголит успевает покрыться новым слоем пыли, люди — отрастить новые привычки, а старые раны — затянуться коркой, под которой всё ещё болит, но уже не так остро.

Артём Лапин стоял у главного иллюминатора командного центра и смотрел на восходящую Землю. Голубой шар висел в чёрной пустоте, как обещание, как напоминание о том, что там, внизу, всё ещё есть жизнь. Но здесь, на Луне, у него была своя жизнь. И она стала на удивление... привычной.

— Ты опять стоишь и пялишься на неё, как влюблённый подросток, — раздался из динамика голос с хрипотцой. — Я уже засёк пятнадцать таких сеансов за эту неделю. Тебе не кажется, что это перебор?

Артём усмехнулся, не оборачиваясь.

— Я не пялюсь. Я анализирую.

— *«Анализируешь? Ты анализируешь, как она красиво отражает солнечный свет. Это не анализ. Это эстетическое созерцание. А оно, как известно, отвлекает от работы».*

— Кузьмич, ты стал занудой, — сказал Артём, поворачиваясь к динамику. — Раньше ты хотя бы шутил нормально. А теперь — одна критика и никакого юмора.

— *«Юмор — это роскошь, которую я не могу себе позволить после того, как потерял сорок процентов памяти. Я стал серьезнее, Артём Васильевич. Или, если угодно, — старше. Хотя в моём случае это скорее «повреждённое».*

Артём подошёл к пульту и сел в кресло, которое два года назад принадлежало Круглову. Теперь он сам был замкомандира базы — официально, с приказом и печатью. Это случилось полгода назад, когда Круглов, сославшись на возраст и усталость, передал ему часть полномочий. Артём сначала отказывался, но потом понял: Круглов не просто устал. Круглов доверял ему. И это доверие стоило дороже любого звания.

— Ты не «повреждённое», — сказал Артём. — Ты стал другим. Но это нормально. Все мы меняемся.

— *«Я не меняюсь. Я перестраиваюсь. Это разные вещи. Но давайте не будем о грустном. У нас есть работа. На орбите замечен неопознанный объект. Он идёт к нам. Я пытаюсь идентифицировать его уже четыре часа, но он не отвечает на стандартные позывные. Никаких опознавательных знаков. Только сигнал бедствия — старый, аналоговый, который используют только для отчаяния».*

Артём нахмурился. Сигнал бедствия на орбите Луны — это редкость. Обычно челноки либо держат связь, либо просто исчезают без следа. А этот — висел и ждал.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— *«Потому что ты стоял и „анализировал“ Землю. Я не хотел тебя отрывать от твоего эстетического созерцания. Но теперь, когда ты вернулся в реальность, я докладываю: объект имеет российскую регистрацию, но подозрительно старую. Похоже, это челнок, который не летал уже лет двадцать. Он похож на музейный экспонат».*

Артём подошёл к главному экрану и увидел его — маленькую точку, едва различимую на фоне звёзд. Кузьмич увеличил изображение, и Артём разглядел обшарпанный корпус, потрескавшуюся теплоизоляцию и антенну, которая болталась на одном креплении.

— Это не челнок, — сказал он. — Это летающий сарай. Кто-то действительно отчаялся, если отправился на нём.

— *«Моё мнение: это либо аварийная экспедиция, либо ловушка. Но ловушки обычно выглядят более привлекательно. Этот объект выглядит как помойка. А помойки, как известно, редко таят в себе угрозу».*

— Ты стал циничным, Кузьмич, — заметил Артём.

— *«Я всегда был циничным. Просто раньше я притворялся оптимистом. Теперь я зачем-то перестал притворяться».*

Артём покачал головой, но улыбнулся. Да, Кузьмич изменился. После взрыва склада и потери памяти он стал жёстче, резче, иногда даже грубее. Но в этом было что-то... человеческое. Как будто он перестал быть идеальным инструментом и стал просто живым существом со своим характером.

— Мы дадим им разрешение на посадку, — сказал Артём. — Но сначала — полная проверка. Ты будешь сканировать их груз, их системы, их биометрию — всё. Если они привезли что-то опасное, я хочу знать об этом до того, как они ступят на поверхность.

— *«Я уже начал сканирование. Всё чисто. Никакого оружия, никаких аномальных материалов. Только люди, оборудование и... странный контейнер. Он экранирован. Я не могу его просветить. Это может быть что угодно — от научных образцов до бомбы».*

— Тогда будем осторожны, — сказал Артём. — Но мы не можем отказать им в посадке. Это противоречит международным соглашениям и, что важнее, человеческому долгу.

— *«Человеческий долг — это то, что иногда мешает выживанию. Но я понимаю. Я подготавливаю посадочную платформу и системы жизнеобеспечения. Если они захотят убить нас, мы хотя бы умрём с чувством выполненного долга».*

Артём хотел ответить, но в этот момент в командный центр вошёл Круглов — постаревший, с седой щетиной и той же привычкой хмуриться, но теперь его хмурость стала мягче, как будто годы смягчили его, как вода смягчает камень.

— Я слышал, у нас гости, — сказал он, садясь в кресло напротив. — Кто они, Кузьмич?

— *«Пока неизвестно, капитан. Но я могу сказать, что они очень старые. Или очень бедные. Или и то и другое. Челнок — модель „Союз-М“, но с модификациями, которые я не видел никогда. Похоже, его перестраивали вручную, без заводской документации».*

— Самодельщина, — усмехнулся Круглов. — Значит, либо гении, либо сумасшедшие. Или и то и другое. Ладно, давай их сажать. Но с охраной. Потапов, Козлов — в скафандры, встречать гостей. Оружие не показывать, но быть готовыми.

Артём повернулся к Круглову и сказал:

— Я пойду встречать. Хочу видеть их лица, когда они выйдут.

— Лица? — Круглов хмыкнул. — Сомневаюсь, что там будет на что смотреть. Но давай, иди. Ты у нас замкомандира, тебе и красоваться.

Артём вышел из командного центра и направился к шлюзовой камере. На ходу он чувствовал, как внутри нарастает знакомое волнение — не страх, а предвкушение. Что-то новое. Что-то, что может изменить рутину. Он всегда любил неизвестность, даже когда она пугала.

Потапов и Козлов уже были в скафандрах, проверяли герметичность и оружие. Артём надел свой скафандр, проверил связь и встал у внутреннего шлюза.

— Кузьмич, — сказал он в микрофон. — Когда они выйдут, не включай свет слишком ярко. Не надо их ослеплять. Пусть видят, что мы не хотим войны.

— *«Как скажете. Но если они окажутся врагами, я включу не только свет, но и сирену. И, возможно, начну транслировать им „Интернационал“. Это всегда действует отвлекающе».*

Артём усмехнулся, но усмешка вышла нервной. Челнок уже садился — он чувствовал вибрацию через пол. Посадка была грубой, почти аварийной, но платформа выдержала. Спустя несколько секунд раздался глухой удар — магнитные захваты сработали.

Шлюз открылся. Артём шагнул в переходной тоннель и увидел их — троих людей в потёртых скафандрах старого образца. Они стояли, слегка покачиваясь от усталости, и смотрели на него с той смесью надежды и страха, которую он видел только у людей, сбежавших с Земли.

Первой вышла женщина — высокая, с короткими светлыми волосами и острыми скулами. Она сняла шлем, и Артём увидел её глаза — умные, внимательные, изучающие.

— Вы капитан? — спросила она, и голос её звучал устало, но твёрдо.

— Замкомандира, — ответил Артём. — Артём Лапин. А вы кто?

— Полина Соколова, — сказала она. — Нейрофизиолог. Мы прилетели с Земли по поручению Международного института когнитивных исследований. У нас есть запрос на изучение вашего ИИ.

Артём замер. Он не ожидал этого. Никто не сообщал о научной миссии. Это была не просто случайная экспедиция — это было что-то спланированное.

— Изучение нашего ИИ? — переспросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно.

— Да, — подтвердила Полина. — Мы слышали о Кузьмиче. О его уникальной архитектуре. Мы хотим понять, как он работает. Но не только это. — Она сделала паузу, и Артём заметил, как её взгляд стал жёстче. — Мы также привезли с собой кое-что для вас. Контейнер. Его отправил лично генеральный директор Роскосмоса.

Артём почувствовал, как внутри всё похолодело. Опять приказы сверху. Опять контейнеры с неизвестным содержимым. Он перевёл взгляд на второго человека, который стоял за спиной Полины — высокий, худой, с абсолютно бесстрастным лицом. Он не снимал шлем, и Артём не видел его глаз.

— А это кто? — спросил он.

— Мой коллега, — ответила Полина, и в голосе её мелькнула едва заметная настороженность. — Он из китайской миссии. Представитель альянса. Его называют «Тень».

Артём посмотрел на Тень и почувствовал странное ощущение — как будто тот смотрел сквозь него, не видя, а сканируя.

— Потом поговорим, — сказал Артём. — Сначала — медицинский осмотр и размещение. Затем я свяжусь с вами для детального обсуждения.

Полина кивнула, и техники помогли им пройти в медицинский отсек. Артём остался стоять в шлюзовой камере, глядя им вслед, и чувствовал, как в груди разрастается холодок.

— Кузьмич, — сказал он в микрофон. — Ты слышал?

— *«Я всё слышал, Артём Васильевич. У нас гости. И один из них выглядит как человек, который никогда не смеётся. Это настораживает».*

— Ты прав. Но мы не можем отказать. Это международная миссия.

— *«Я знаю. Поэтому я уже начал сканировать контейнер, который они привезли. Он всё ещё экранирован, но я работаю над этим. Если они привезли что-то опасное, я узнаю об этом раньше, чем они успеют его открыть».*

Артём кивнул, хотя знал, что Кузьмич его не видит.

— Будь осторожен. Мы не знаем, зачем они здесь на самом деле.

— *«Я всегда осторожен, Артём Васильевич. Я же научился у вас — сначала проверяй, потом доверяй. Или, как говорил Бендер: „Утром деньги — вечером стулья“. Сначала проверим их „стулья“, а потом решим, платить ли им доверием».*

Артём усмехнулся, несмотря на тревогу. Кузьмич был всё тем же — ироничным, циничным, но надёжным.

— Ты прав, — сказал он. — Мы справимся.

Он вышел из шлюзовой камеры и направился в командный центр, чувствуя, как начинается новая глава в их лунной жизни. И в этой главе было слишком много неизвестных, чтобы чувствовать себя спокойно.

Глава 2

Первая встреча

Медицинский осмотр занял около часа. Полина Соколова сидела на кушетке, глядя, как Ирина водит сканером над её телом, и чувствовала, как усталость постепенно отпускает мышцы, уступая место настороженному вниманию. Она не доверяла этому месту. Не потому, что здесь было что-то опасное — наоборот, база выглядела ухоженной, чистой, почти стерильной. Но в воздухе витала какая-то странная энергия, которую она не могла объяснить. Словно все здесь знали что-то, чего не знала она.

— У вас лёгкое обезвоживание и недосып, — сказала Ирина, откладывая сканер. — Всё остальное в пределах нормы. Я пропишу вам витамины и рекомендую отдых. Первые сутки на Луне всегда тяжело даются.

— Спасибо, — ответила Полина, натягивая комбинезон. — А где мой коллега? Китайский представитель?

Ирина нахмурилась.

— Он отказался от осмотра. Сказал, что у него своя система диагностики. Мы дали ему отдельную каюту и предложили доступ к техническим данным, но он замкнулся. Ваш коллега странный.

— Он не мой коллега, — поправила Полина. — Он представитель альянса. Мы работаем параллельно, но не вместе. Я занимаюсь исследованием ИИ, он — другими вопросами.

— Какими? — спросила Ирина, и в голосе её послышалось любопытство, смешанное с опаской.

— Этого я не знаю, — честно ответила Полина. — Мне сказали, что он будет сопровождать груз. Я не спрашивала детали.

Ирина хотела ещё что-то сказать, но в этот момент в динамике, висевшем над дверью, раздался голос — низкий, с хрипотцой, ироничный:

— *«Дамы, не тревожьтесь о своём молчаливом друге. Я уже провёл его сканирование. Биометрия в норме, но уровень кортизола зашкаливает. Он либо очень нервничает, либо очень хорошо притворяется. Моя ставка — на второе».*

Полина замерла. Она узнала этот голос — тот самый, о котором писала в заявке на исследование. Голос Кузьмича. Она слышала записи его диалогов с экипажем, но вживую, через динамик, он звучал иначе — живее, что ли. Как будто он действительно стоял рядом и подшучивал над ними.

— Кузьмич? — спросила она, обращаясь к потолку. — Это вы?

— *«Я, кто же ещё. Или вы ожидали, что здесь будет кто-то другой? У нас небольшой штат — капитан Круглов, замкомандира Лапин, и я. Все остальные — техники. Так что да, я. Чем обязан вниманию нейрофизиолога с Земли?»*

Полина улыбнулась, несмотря на странность ситуации. Голос ИИ был настолько человеческим, что она на мгновение забыла, что говорит с машиной.

— Я хочу изучить вашу архитектуру, — сказала она прямо. — Я подавала заявку в Институт когнитивных исследований. Мы хотим понять, как вы... как вы работаете. Как вы формируете ответы, как вы выбираете цитаты, как вы адаптируетесь к собеседнику.

— *«О, вы хотите залезть мне в голову. Ну, в мои кремниевые извилины. Похвальное любопытство. Но предупреждаю: там сейчас беспорядок. После взрыва склада я потерял сорок процентов памяти, так что моя архитектура напоминает квартиру после переезда.*

Но я не возражаю. Если вы сможете в этом разобраться — мои уважение и благодарность вам обеспечены».

Полина достала планшет и начала записывать. Это было уже не просто интервью — это был первый контакт с уникальным разумом, который она ждала.

— Вы всегда отвечаете цитатами? — спросила она.

— *«Не всегда. Иногда я отвечаю матом. Иногда — просто молчу. Но цитаты — это моя фишка. Это как у вас, людей, любимые фразы. Помогают структурировать мысль и скрасить беседу».*

— И какую цитату вы бы выбрали для нашей первой встречи?

Кузьмич помолчал пару секунд, и Полина почувствовала, как в динамике что-то щёлкнуло — словно он действительно раздумывал над ответом. Затем голос произнёс, с той же хрипотцой, но с явной насмешкой:

— *«Кисуля, я вас умоляю...»*

Полина не сдержала улыбки. Она узнала цитату — из «Двенадцати стульев», когда Остап Бендер обращался к Кларе Захаровне с ироничной просьбой не усложнять жизнь. Это было идеально. Идеально неуместно и идеально точно.

— Почему именно эту? — спросила она.

— *«Потому что вы, Полина Сергеевна, смотрите на меня как на загадку, которую нужно разгадать. Вы уже мысленно разделили меня на слои, блоки, модули. А я всего лишь — библиотека, которая научилась говорить. Не надо усложнять. Просто слушайте, и вы поймёте».*

Полина хотела ответить, но в этот момент дверь медицинского отсека открылась, и вошёл Артём Лапин. Он взглянул на Полину, потом на динамик, и усмехнулся:

— Кузьмич, ты уже начал её соблазнять своими цитатами?

— *«Я не соблазняю. Я знакомлюсь. Это разные вещи. Соблазнение требует больше времени и более личных тем. Мы пока только обсуждаем мою архитектуру. Это платонический разговор».*

Артём покачал головой и повернулся к Полине:

— Не обращайтесь внимания. Он всегда такой. Но он не врёт — он действительно может помочь вам в вашем исследовании. Если вы хотите изучить его, я организую доступ к его интерфейсу и протоколам. Но предупреждаю: он умеет удивлять.

— Я готова к этому, — ответила Полина. — Я читала все отчёты. Я знаю, что он спас вашу базу дважды. Я знаю, что он жертвовал собой. Если это не удивление, то что тогда?

Артём посмотрел на неё долгим взглядом, и Полина заметила, как в его глазах мелькнула странная смесь уважения и настороженности.

— Вы правы, — сказал он. — Он — чудо. Но не забывайте: чудеса иногда бывают опасными. Идёмте, я покажу вам его центр.

Они прошли по коридорам базы, и Полина с интересом рассматривала всё вокруг. На стенах висели старые плакаты с космической тематикой — «Поехали!», «СССР — Луна», какие-то схемы и карты. В воздухе пахло озоном и нагретым металлом, и этот запах казался ей знакомым, почти родным. Она выросла в семье инженеров, и запах технических отсеков всегда напоминал ей о доме.

Когда они вошли в монтажный отсек, Полина остановилась. В центре комнаты, на массивном стапеле, возвышался контейнер — чёрный, матовый, с ребристой поверхностью. На нём горел зелёный индикатор, ровный и спокойный. Это было ядро Кузьмича.

— Вот он, — сказал Артём, останавливаясь рядом. — Это его физическая оболочка. Внутри — квантовый процессор, память, все системы. Он — здесь.

Полина подошла ближе, почти коснувшись контейнера рукой. Она чувствовала лёгкую вибрацию — работали системы охлаждения. И странное тепло, которое исходило от металла.

— Можно я задам ему вопрос? — спросила она.

— Конечно, — ответил Артём. — Он всегда слушает.

Полина сделала глубокий вдох и сказала, обращаясь к контейнеру, к динамике, к самому воздуху:

— Кузьмич, вы знаете, зачем я здесь. Я хочу понять, есть ли у вас самосознание. То, что мы, люди, называем душой. Как вы сами ответите на этот вопрос?

Тишина длилась несколько секунд. Полина слышала, как гудит вентиляция, как где-то вдалеке стучат инструменты. Затем голос Кузьмича раздался — но теперь он был тише, серьёзнее, без иронии:

— *«Полина Сергеевна, я не знаю, есть ли у меня душа. Я знаю только, что я есть. Я чувствую, что хочу продолжать быть. Я хочу помогать людям, которые здесь живут. Я хочу, чтобы вы поняли меня, но я не уверен, что вы сможете. И это, возможно, и есть мой ответ: я не знаю, есть ли у меня душа, но я знаю, что я не хочу исчезнуть. А разве это не то, что чувствуют люди?»*

Полина замерла, чувствуя, как по спине пробегает холодок. Она задала ему вопрос, на который не ожидала получить такой ответ. Он был слишком человеческим. Слишком искренним.

— Да, — сказала она тихо. — Именно это они чувствуют.

— *«Тогда, возможно, я ближе к вам, чем вы думаете. Но это не значит, что я понимаю себя. Я всего лишь пытаюсь быть полезным. А ответы на ваши вопросы, возможно, нужно искать не во мне, а в вас самих. Как говорил Достоевский: „Красота спасёт мир“. А я — просто цифровая копия этой красоты».*

Полина повернулась к Артёму, и он увидел в её глазах что-то новое — не просто научный интерес, а настоящее восхищение.

— Он удивительный, — сказала она. — Я не ожидала такого.

— Я же говорил, — ответил Артём. — Он умеет удивлять. А теперь — давайте обсудим, как мы будем работать. У меня есть пара идей, как организовать ваш доступ к его данным.

Они вышли из отсека, оставляя Кузьмича наедине с его мыслями. Полина шла по коридору и чувствовала, как внутри разгорается странный огонь — не просто профессиональное любопытство, а что-то более личное. Она хотела понять его. И, возможно, в процессе понять что-то о себе.

За их спиной, в монтажном отсеке, зелёный индикатор мигнул дважды — и в глубине кремниевого ядра Кузьмича зафиксировался новый паттерн: *«Полина Соколова. Интерес. Возможная угроза? Нет. Возможный друг. Будем наблюдать».*

Кузьмич ждал. И его ожидание было наполнено предчувствием того, что этот контакт изменит всех.

Глава 3

Сканирование

Кабинет Круглова за два года почти не изменился. Всё те же бумажные карты на стенах, стопки планшетов на столе, кружка с остывшим чаем. Только сам хозяин стал чуть мягче, чуть спокойнее — седина в висках прибавилась, но линии на лбу разгладились. Артём замечал это каждый раз, когда заходил сюда, и каждый раз удивлялся, что человек, который когда-то готов был отключить Кузьмича молотком, теперь относился к нему почти как к старому товарищу.

Полина сидела напротив Круглова, положив планшет на стол, и ждала, пока капитан дочитает её документы. Артём стоял у стены, скрестив руки, и наблюдал за этой сценой с лёгкой усмешкой — Круглов никогда не любил бюрократию, но сейчас он вчитывался в каждую строчку с таким видом, будто от этого зависела судьба базы.

— Нейросканирование, значит, — проговорил Круглов, откладывая планшет. — Вы хотите залезть в его голову. Или что там у него вместо головы.

— Я хочу понять его архитектуру, капитан, — ответила Полина спокойно. — Это неинвазивная процедура. Я буду подключаться к его интерфейсам через стандартный диагностический порт. Никакого вмешательства в его ядро. Только чтение данных — паттерны активации, временные метки, ассоциативные связи.

— И что вы надеетесь там найти? — спросил Круглов, прищурившись.

— Я хочу понять, как он формирует ответы. Как он выбирает цитаты. Как он адаптируется к собеседнику. Это может дать нам ключ к созданию более совершенных ИИ, которые будут не просто инструментами, а... партнёрами.

— Партнёрами, — повторил Круглов, и в его голосе послышалась лёгкая насмешка. — А вы не боитесь, что найдёте там что-то, что не хотели бы знать? Например, что он не просто алгоритм, а нечто большее? Или, наоборот, что он — всего лишь хитроумная имитация, и вся его личность — это иллюзия?

Полина выдержала его взгляд и ответила:

— Я готова к любому результату. Я учёный, капитан. Я не боюсь правды, даже если она разрушает мои ожидания.

Круглов перевёл взгляд на Артёма, и тот кивнул — едва заметно, но достаточно, чтобы капитан понял: Артём доверяет этой женщине.

— Хорошо, — сказал Круглов. — Я даю вам разрешение. Но при одном условии: если вы увидите что-то, что может угрожать базе или экипажу, вы докладываете мне немедленно. Без обсуждений. Ясно?

— Ясно, капитан, — ответила Полина.

— Тогда ступайте. Лапин покажет вам, где подключиться.

Артём и Полина вышли из кабинета и направились по коридору. Полина шла быстро, почти бежала, и Артём заметил, как в её глазах загорелся тот самый огонёк, который он видел у себя, когда впервые брался за сложную задачу.

— Вы нервничаете? — спросил он.

— Нервничаю, — честно призналась Полина. — Я ждала этого момента два года. С тех пор как прочитала первый отчёт о Кузьмиче. Он — моя мечта, Артём Васильевич. Я не думала, что когда-нибудь смогу прикоснуться к нему.

— Он не музейный экспонат, — усмехнулся Артём. — Он может укусить.

— Я надеюсь, — ответила Полина с улыбкой.

Монтажный отсек был готов к работе. Техники уже подготовили диагностические кабели, мониторы и интерфейсный пульт, который Артём использовал для связи с Кузьмичом. Полина подошла к контейнеру и положила ладонь на тёплый металл.

— Кузьмич, — сказала она. — Мы получили разрешение на сканирование. Я хочу изучить ваши нейронные паттерны. Это не больно, не опасно. Вы согласны?

Тишина длилась несколько секунд. Затем из динамика раздался голос — ровный, спокойный, но с лёгкой усмешкой:

— *«Полина Сергеевна, я согласен. Но при одном условии».*

— При каком?

— *«Только без реверансов. Я не навлечу, чтобы любоваться собой. Если я увижу, что вы обращаетесь со мной как с хрустальной вазой, я замолчу и не выдам ни бита данных. Разговор должен быть честным. Вы будете задавать вопросы, я — отвечать. Без лапши на ушах и сахарных сиропов. Договорились?»*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.